

УДК 81'374.2

DOI: 10.15393/j14.art.2014.55

Статья

Гусева Елена Рафхатовна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия,

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка филологического факультета, ПетрГУ.

<https://petrus.ru/persons/2075/guseva>

Уступительные союзы в контактной полигэтничной зоне (Карелия и сопредельные области)

Аннотация. В статье рассматриваются уступительные союзы, функционирующие в северно-русских говорах. Проводится сопоставление со сведениями средне-, южнорусских и других говоров. Для определения времени появления диалектных союзов и способа их образования изучаются данные древнерусского языка, русского языка XVIII и XIX вв.

Исследование показывает, что в диалектной речи в русле основных тенденций развития системы союзов русского языка формируются уступительные союзы недифференцированного значения. На фонетическом уровне на систему союзов оказывает влияние финно-угорский субстрат.

Ключевые слова: севернорусские говоры; уступительный союз

Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Уступительные конструкции семантически близки условным. Об этом писали исследователи древнерусского и современного русского языка. Еще в середине XX века Б. В. Лавров указывал, что уступительные предложения являются их противоположностью, но «такой противоположностью, которая все время имеет в виду основной вид (условный). Если в условных мы имеем формулу «явление А должно вызывать явление Б», то в уступительном отмечается наличие явления А и отсутствие явления Б. Таким образом, уступительное предложение есть частный и необычный случай условного. Еще более черт общих устанавливается у условных с уступительными ввиду того, что первое явление (условие) может быть дано как предположительное (условно-уступительное)» [1: 115]. Составители «Грамматики-80» также отмечают, что в предложениях с уступительными отношениями «соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для

того, чтобы отменить собой другую, представленную в главной части» [4: 585]. В данных предложениях взаимодействуют значения внутренней обусловленности и противопоставление; ситуации, с одной стороны, несовместимы, с другой — сосуществуют: *Хоть мал, но умен* ‘если мал, значит умен’, ‘либо мал, либо умен’ + ‘мал и в то же время умен’¹. Информация в предложениях носит двойственный характер: в предложении сталкиваются две версии — априорная (если... то; либо...либо) и актуальная (и...и), но скрытая и непосредственная информация не противоречат друг другу. Двойственность информации — признак, объединяющий уступительную связь с условной [4: 586].

По семантике в современном русском языке (в литературном языке, в том числе и в разговорной речи, а также просторечии) выделяются две группы уступительных союзов: союзы дифференцированного и недифференцированного значения. К союзам недифференцированного типа относятся *хотя, пусть, пускай*, аналог союза *правда*, а также союзы с дополнительным значением одобрения, положительной или отрицательной оценки ситуации: *добро бы ... а то, диви бы ... а то, пусть бы... а то, хоть бы...а то*. В подгруппу союзов дифференцированного типа входят союзы *несмотря на то что, невзирая на то что, даром что* (устар. и прост.), *независимо от того что, при том что* и др. [4: 586—593]². В современном русском языке, таким образом, употребляются простые и составные по структуре лексемы (например, хотя и несмотря на то что) и двухкомпонентные единицы, элементы которой находятся в начале каждой части бинарного предложения.

Система уступительных союзов в процессе своего развития претерпела существенные изменения. Состав союзов современного русского языка и древнерусского языка различен. С. Е. Морозова отмечает, что в раннедревнерусских памятниках письменности и во многих старорусских зафиксирован союз *аще*, который мог функционировать и в уступительных, в условных конструкциях. Вместе с тем эти структуры имеют не только семантические, но и формальные отличия — в большинстве примеров, проанализированных исследователем, *аще* употребляется с расположенной контактно или дистантно модальной частицей *и*, которая усиливает уступительность: а паче же на таковыхъ нопадаютъ и сопротивъ тѣхъ возмогаютъ, которые, зброй оружіє отъ священнаго писанія *аще* и имѣютъ, а дѣйствовать ими не умѣютъ и сопротивлятися врагомъ неискусны (Письм. Курб., с. 472); *аще* мог употребляться с *но, а*, которые стояли в начале главной части предложения. В памятниках деловой письменности, как в ранних (Смоленская грамота 1229 г. и др.), так и в более поздних, зафиксирован исключительно союз *хоть* и его фонетические варианты *хотя, хоти*. В остальных источниках отмечен *аще*, но с XVI в., даже в пределах одного памятника, параллельно используется и *хоть*. Союз может употребляться самостоятельно и с компонентами *и, а, ино, да, только, однако* в главной части предложения. Церковнославянский *аще* союз впоследствии выходит из употребления, союз *хотя* сохранился в языке [3: 262—267].

Позднее, по данным Е. Т. Черкасовой, в языке формируются уступительные составные союзы местоименного происхождения. Они образованы на основе опорного союза *что*: 1) лексемы возникли в результате слияния застывшей падежной формы субстантивированного указательного местоимения *то* с предлогами — *невзирая на то что, несмотря на то что*; 2) лек-

¹ Конструкции типа *хотя...но* некоторые ученые относят к переходным между сочинением и подчинением [7: 174—177].

² Грамматический статус данных лексем определяют по-разному. В. З. Санников союзы *добро бы... а то, если бы... а то, хоть бы... а то* относит к сочинительным и называет их «заместительными», так как «по значению они близки конструкциям с предлогом *вместо*, указывающим на «замещение» одного события, признака или участника ситуации другим» [5: 96], Н. Ю. Шведова — гибридным образованием, совмещающим функции частицы и союза [10: 176].

семы, в которых первая часть восходит к неместоименному наречию (предикативу. — Е. Г.) — *даром что*. Кроме того, появляются союзы неместоименного происхождения — союзы, восходящие к модальным словам и частицам глагольного и неглагольного происхождения — *пусть, пускай, правда*. Данные лексемы формируются в русле основных тенденций развития системы союзов русского языка [8: 279—280].

В современных северорусских говорах зафиксированы уступительные союзы *дáром что..., а; дáром; даровó что..., а; дивъя бы..., а то, небéсчего..., а*. Считаем, что первые компоненты союзов являются гибридными образованиями — союзами-частицами, поскольку, во-первых, лексемы связывают две синтаксические единицы, выражая уступительные и (или) условные отношения с противопоставлением; во-вторых, имеют ярко выраженную экспрессивную окраску;ср.: Н. Ю. Шведова *добро бы и диви бы определяет как союзные частицы* [10: 176]. В настоящей работе рассматриваются структурно-семантические характеристики уступительных союзов, проводится сопоставление со сведениями средне-, южнорусских и других говоров. Для определения времени появления диалектных союзов и способа их образования изучаются данные древнерусского языка, русского языка XVIII и XIX вв. Материал исследования — сведения региональных, исторических, этимологических, толковых словарей.

ДÁРОМ ЧТО, ...А; ДÁРОМ. В современном просторечии употребляется уступительный союз *дáром что..., а; дáром что* ‘несмотря на то что, хотя и...’*Даром что лето, а тепла еще нет. В. Одоев. Саламандра. Тихон понял, что этот мальчик и был в этом деле заводилой, даром что тихий. Пауст. Правая рука.* [БАС 4: 527]. По мнению составителей «Грамматики-80», лексема относится к союзам дифференцированного типа [4: 592].

Однако в «Архангельском областном словаре» союз *дáром что* ‘несмотря на ... что, если даже’ подается с диффузным условно-уступительным значением: *Даром што жытьё хорошо, не пойду я за него. Котл. В состав союза может входить а: Даром што малехонной, а отвецяйет: «Я не тютик!» Онеж. В предложении может отсутствовать главная часть: А это даром што зеленыйе, как светлыйе, так ы снимай. Вель. В приведенном примере, состоящем из четырех предикативных единиц, вторая элиминирована* [АОС 10: 272].

Составители словаря считают, что лексемы *даром, даром и* являются частицами со значением ‘хоть и хотя бы даже’ в следующих примерах: *Волосы-те роспустила, ладила косы заплетсти, даром тёпло в ызбе. Нянд. Даром горячё, фсё сожорал, паразит. Нянд. Заяц хитрой, даром скосой, мало капканоф ставили под зайцев. Карг. Письмо напишу, даром и не по строчькам. Вель. Даром ы большиые валени, дома-то можно седеть. Вель. Даром и бедна, не на што вниманье не обращаю. Кон.* [АОС 10: 271]. Как нам представляется, данные грамматические средства также выполняют функцию союза, поскольку они связывают синтаксические единицы, выражая уступительные отношения, в некоторых случаях с противопоставлением, которое формально не выражено (противительный союз опущен во втором, пятом и шестом примерах). Лексемы следует отнести к союзам-частицам. В говорах функционируют омонимы союза — наречия и частицы [АОС 10: 271—272].

Союз *дáром ‘хотя’ зафиксирован* в среднерусских говорах; в словаре дается грамматическая помета «уступительный союз» [НОС 2: 75]. Средне-, южнорусским диалектам известны *дармá ‘хотя, несмотря на то что’* Тул., *дáрма* Курск., Калуж., Сарат., *дармá что* Пск., Осташк., Орл., Курск., Нижегор., Смол. [СРНГ 7: 274]; ср.: *дармá что ‘даром что’* отмечен в «Большом академическом словаре русского языка» как уступительный союз: *Дарма что ты беглый! Видим мы, что ты за человек.* Данил. Беглые в Новороссии [БАС 4: 524].

Путь и способ образования уступительного союза *даром что* определила Е. Т. Черкасова. Семантической основой данного союза, по ее мнению, является диалектное наречие с модально-

окрашенным значением ‘пусть так’ [Даль 1: 415]. Семантически близкие наречия *даром* ‘все равно’, ‘ни к чему’, ‘безразлично’ бытуют в разговорной речи (на наш взгляд, это предикативы, так как они являются главными членами односоставного предложения): *Хотя воевода тутъ приходитъ, да намъ даромъ* (Авв., Письмо некоему Симеону); *Как хочешь, мне даром* (Сл. 1731 г., 411). Наречие функционировало как сказуемое в двусоставном предложении с подлежащим *то* (иногда *это*), которое связывается с противоречащим ему по смыслу другим предложением (т. е. сложное предложение состоит из трех предикативных единиц): [*Чужехват...*] *А у меня не только голова, да и моина не пуста, даром то что она с наружи не нарядна* (Сумароков, Опекун, I, 6). Предикативная единица затем преобразовалась в односоставную с предикативом в роли главного члена, что привело ее к сближению с лексическим значением уступительных союзов, утрата подлежащего *то* вела к ослаблению связи с придаточной частью. Релятивное значение полностью закрепилось за конструкцией *даром что* при утрате предикативности у слова *даром* и образовании с *что* грамматического идиоматизма, функционирующего в придаточной части (сложное предложение становится бинарным): *Даром что ты мучила иногда мя злая, Я тя любил* (Тредиаковский. Езда в остров любви. Ч. 2). Союз возникает в результате опрощения той части сложного предложения, в которой исходное слово выступает в функции предиката. Данные структуры появились в начале XVIII в. [9: 183—187].

В современной диалектной речи с уступительно-условным значением употребляются формы как в сочетании с *что*, так и без него: *дáром, дáром что* ‘хотя, несмотря на то, что; если даже’. Лексемы являются союзами-частицами, так как имеют усиительное значение.

ДАРОВÓ ЧТО..., А. В холмогорских говорах бытует уступительный союз *даровó что...*, а ‘дáром что’: *Даровó что не велик, а уж водку пье* [СРНГ 7: 276].

В древнерусских источниках разговорного характера XVI в. (Дм., 114), а также в фольклоре XVII в. (Сим. Послов., 96) зафиксировано прилагательное *дарово* ‘полученный даром, бесплатный’. В деловой письменности XVI—XVII вв. отмечено прилагательное *дарово* ‘бесполезный’ (Посольство Васильчикова, 162. 1592; Сл. и д. I, 195. 1643) [СЛРЯ XI—XVII вв. 4: 173]. В СЛРЯ XVIII в. союз *дарово что* не обнаружен. Появился союз, таким образом, сравнительно поздно. Возможно, он функционировал в разговорной речи. Надо полагать, союз образовался аналогично союзу *даром что*: прилагательное переходит в наречие, затем в предикатив и далее в служебную часть речи. Ср.: в говорах употребляются однокоренные наречия, предикативы, частицы [СРНГ 7: 272, 276; СОАН: 36].

ДИВЬЯ' БЫ..., А ТО (А, ДАК), ДИВИ'СЬ БЫ. В просторечии употребляется устаревший союз *дивíй бы..., а то* ‘пускай бы ещё; допустим, что... но’: *Дивíй бы умный был, а то ведь дурак дураком* [ТСРЯ: 161, 165]. Лексема относится к союзам недифференцированного типа, он имеет значение условно-уступительного противопоставления, ср. *пусть (пускай) бы* в современном литературном языке [9: 112, 125—126].

1. Союз *дивья' бы..., а то* ‘если бы, хотя бы, пусть бы..., а то’ зафиксирован в медвежьевских говорах Карелии, архангельских, а также сибирских диалектах: *Дивья' бы она была плохая девка, а то хорошая*. Медв. [СРГК 1: 458—459], *Дивья' бы так прошло, а то, пожалуй, чего доброго, ещё отдерут*. Перм. *Дивья бы есть нечего было, а то ведь всего полно*. Свердл. [СРНГ 8: 51]. В СРГК в словарной статье приведен пример с союзом, включающим в свой состав компонент *дак* — *дивья' бы..., дак* ‘если бы..., то’: *Приехали в Петрозаводск, холодыня! Дивья' бы Виктор тут был, дак пешо бы дошли*. Выт. [СРГК 1: 458-459]. В АОС в статье к частице *дивья'* ‘ладно, пусть, пускай’ находим пример с компонентом *а*: *Дивья бы этот хлеб, а ветвь картошки*. Красн. [АОС 11: 138].

2. В вологодских говорах встречается союз *дивісь бы...*, *а то* ‘если бы, пусть бы’: *Дивісь бы пьяный, а то трезвый*. Грязов. [СРНГ 8: 48].

В сибирских диалектах бытует союз *дивуй бы...*, *а то* ‘ну пусть бы, не удивительно было бы, если бы, хотя бы’: *Дивуй бы красива была, воображала бы, а то так, вытараска кака-то*. Урал. + Свердл. [СРНГ 8: 51].

В доступных нам этимологических, исторических словарях и лингвистических исследованиях, рассматривающих образование союзов, отсутствуют сведения о просторечном союзе *дивій бы*, ...*а то* за исключением примеров из литературных произведений XIX в., обнаруженных Е. Т. Черкасовой. Исследователь считает их синонимичными конструкциями с составным союзом *добро бы...*, *а то*, который образовался в результате слияния фразеологического сращения *добро бы* с фраземой *а то*. В XVIII в. лексема *добро* функционировала как модальная частица, выражая согласие, допущение, уступку ‘ладно!’, ‘пусть будет так!'; семантика частицы явилась фактором, способствующим ее переходу в союз [9: 111—112].

Основываясь на данных древнерусского языка и современных говоров и учитывая способ формирования синонимичного союза *добро бы...а то*, попытаемся выяснить путь образования диалектного союза *дивъя́ бы*, ...*а то* (*а, да*). Предикатив *дивъя́* ‘хорошо’ функционировал в древнерусском языке: *Дивъя за буяном кони паствити, а за добрым княземъ воевати*. Сл. Дан. Зат., 18. XVII~XII вв. [СЛРЯ XI—XVII вв. 4: 245]. (В словаре *дивъя* подается как наречие, что, на наш взгляд, неверно: лексема входит в состав главного члена односоставного предложения и является предикативом.) В псковских памятниках письменности разговорного характера (начало XVII в.) отмечены предикативы *дивъя́* ‘легко, не составляет труда’ [ПОС 9: 67]. В СЛРЯ XVIII в. употребление лексемы не фиксируется; следовательно, сфера ее функционирования была ограничена говорами. В современных диалектах употребляются омонимы союза — существительные, предикативы, частицы, междометия [СРНГ 7: 264; 8: 48, 52, 301; СВГ 2: 26; АОС 11: 138; НОС 2: 86; ПОС 9: 67]. Архангельским, новгородским, тобольским говорам известны частицы со значением *дивій*, *дивъя́*, *девъя́* и др. ‘пусть, ладно’ [АОС 11: 138; СРНГ 8: 48]. Через посредство модальной частицы по аналогии с союзом *добро бы..., а то* в говорах возник союз *дивъя́ бы...а то* (*да*).

НЕБЕСЧЕГО (НЕБЕЩЕГО) ..., *А*. Уступительный союз *небесчего*, *небещего* ‘хотя, несмотря на то что’ встречается в вологодских, костромских, ярославских, а также в некоторых среднерусских, сибирских говорах: *Небесчего барин, а врешь. Небесчего просил тебя подождать, а ты один-ка угнался в Рыбку-то* [Рыбинск] [ЯОС 6: 125], *Небесчого старостин сынок, а глуп, как и мы, грешные. Пск.*, Осташк., Твер., Волог., Вытегор., Олон. *Сват небесчего свой, и окрошины взаймы ни даст*. Тихв. [НОС 6: 31] + Перясл., Влад., Нерехт., Костром., Симб. [СРНГ 20: 317]. Лексема относится к союзам недифференцированного значения.

В говорах отмечено наречие *небесчего* ‘недаром, напрасно’: *Небесчево я и наговаривал ему: полно тебе, парень, брось все к черту*. Холм., Пинеж., Арх., Ворон., Шадр., Перм., Урал., модальное слово ‘между прочим, к тому же’ Нерехт., Костром. *А я, небесчего, просил тебя подождать*. Даль (без указ. террит.) [СРНГ 20: 317].

Слово не имеет соответствий в древнерусском, других славянских языках. На наш взгляд, лексема представляет собой фонетически измененное сочетание *не весть чего*. Мена звуков *б//в* в словах, функционирующих в северорусских говорах, является следствием финно-угорского влияния. Смешение *б* и *в*, отмеченное в русских диалектах на постмерянской территории (Ярославская, Ивановская, Костромская, частично Владимирская области), обусловлено наличием звука *β* вместо *b, v* [6: 191]. Данное явление наблюдается и в других русских го-

ворах, испытавших влияние вепсского языка [2: 404]. Наличие *б* на месте этимологического *в* отмечается в начале слова перед гласными *а*, *о*, *у*, а также перед *е*: *бендерка* ‘кофта из плюша, надеваемая под сарафан’ Белом. [КСРГК], *вендерка* ‘пальто до колен, сшитое в талию’ Муром., Влад. [СРНГ 4: 111] [2: 408]. В случае с *небесчего* ~ *не весть чего* мена согласных также происходит перед гласным *е*. В дальнейшем редуцированная форма *небесчего* < *не бесть чего* деэтимологизируется и воспринимается как наречие ‘кстати, к случаю, вдобавок’: *Он добыши-ник-то плохой, да еще небесчего испивает* [выпивает?], как модальное слово ‘между прочим, к тому же’ [ЯОС 6: 125]. В сложном предложении с противительным союзом *а* во второй части лексема приобретает значение уступительного союза ‘хоть, несмотря на то что’: *Небесчего ба-рин, а вреши* [СРНГ 4: 111].

Итак, в составе подчинительных союзов, функционирующих в северорусских говорах, выделяется небольшая по количеству единиц группа уступительных союзов недифференцированного значения. Лексемы являются гибридными образованиями — союзами-частицами. Генетически они связаны с отвлеченными существительными *диво*, *дар*, глаголом *ведать*. Союзы появились в языке сравнительно поздно — после XVII в. Они образовались по характерным для этого периода моделям: 1) союзы местоименного происхождения относительного типа *дáром что*, *даровó что*; 2) союз неместоименного происхождения *дивъя́ бы*. Союзы обладают подвижной структурой: в их состав могут входить и не входить компоненты *что*, *а*; последний варьируется. Союз *небесчего* — фонетически измененное сочетание *не весть чего*; мена звуков *б//в* может рассматриваться как следствие влияния финно-угорского субстрата.

ЛИТЕРАТУРА

- Лавров, Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке / Б. В. Лавров. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. — 144 с.
- Михайлова, Л. П. Лексикализация несистемных фонетических явлений в русских говорах (мена *б* ~ *в*) / Л. П. Михайлова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2008. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — С. 404—413.
- Морозова, С. Е. Сложноподчиненные предложения уступительные / С. Е. Морозова // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Р. Б. Кершиене, Л. Е. Лопатина, С. Е. Морозова [и др.]; под ред. В. И. Борковского. — Москва : Наука, 1979. — С. 262—267.
- Русская грамматика : в 2 т. Т. 2: Синтаксис / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — 709 с.
- Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис / В. З. Санников. — Москва : Наука, 1989. — 276 с.
- Ткаченко, О. Б. Проблема реконструкции мерянского языка / О. Б. Ткаченко // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. — Москва : Наука, 1990. — С. 190—192.
- Фёдоров, А. К. Трудные вопросы синтаксиса / А. К. Фёдоров. — Москва : Просвещение, 1972. — 239 с.
- Черкасова, Е. Т. Изменения в составе союзов / Е. Т. Черкасова // Черкасова Е. Т. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. — Москва : Наука, 1964. — С. 277—301.
- Черкасова, Е. Т. Русские союзы неместоименного происхождения: Пути и способы их образования / Е. Т. Черкасова. — Москва : Наука, 1973. — 221 с.
- Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В. В. Виноградов. — Москва : Азбуковник, 2003. — 378 с.

СЛОВАРИ

11. АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. — Вып. 1—12. — Москва : Изд-во Моск. ун-та ; Наука, 1980—2004.
 12. БАС — Большой академический словарь русского языка. — Т. 4. Г — День. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2006.
 13. Да́ль — Да́ль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Да́ль. — Т. 1—4. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
 14. КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (часть, хранящаяся в Петрозаводском государственном университете).
 15. НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. — Вып. 1—13. — Новгород : Изд-во Новг. гос. пед. ин-та ; Новг. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 1992—2000.
 16. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б. А. Ларина, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой [и др.]. — Вып. 1-17. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1967—2005.
 17. СВГ — Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская; Л. Ю. Зорина. — Вып. 1—12. — Вологда: Русь, 1983—2007.
 18. СЛРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. — Вып. 1-18. — Москва : Наука, 1975—1992.
 19. СЛРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. — Вып. 1—11. — Санкт-Петербург : Наука, 1984—2000.
 20. СОАН — Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург, 1885.
 21. СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — Вып. 1—6. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1994—2005.
 22. СРНГ — Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — Вып. 1—40. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2006.
 23. ТСРЯ — Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбука, 1995.
 24. ЯОС — Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. — Вып. 1—10. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991.

Elena R. Guseva

PhD, Petrozavodsk State University

Concessive conjunctions in the contact polyethnic zone (Karelia and its neighbouring areas)

Abstract: The work deals with concessive conjunctions functioning in North Russian dialects. The author compares Central Russian, South Russian and other dialects. The data of the Old Russian language as well as the Russian language of the 18th and the 19th centuries is studied to determine the time and the method of the dialectal conjunctions formation.

The research shows that within the basic tendencies of the conjunction system development in the Russian language concessive conjunctions with undifferentiated meaning are formed. The Finno-Ugric substratum influences the conjunction system on the phonetic level.

Key words: North Russian dialects, a concessive conjunction